

Томас Овербери

ХАРАКТЕРЫ

(отрывки)

Перевод В. С. Макарова

Обычный член колледжа (A Mere Fellow of an House)

Его чаяния обычно превосходят его состояние, а ум парит высоко над кошельком. Если он читал Тацита, Гвиччардини или хотя бы «Галло-Бельгийский Меркурий», то он презирает покойного Лорда-Канцлера за его политику, и со смехом думает, как бы славно он одурачил Соломона, если бы тот жил сейчас. Он никогда не носит новую одежду, кроме как на церемонию вручения дипломов или если дела пойдут хорошо, и обычно на одну ступень отстает от моды. Он поклялся приезжать в Лондон раз в год, хотя бы ради того, чтобы посмотреть новую пьесу, пройтись по галереям Павла и понаблюдать за модами. Не быть в долгу он считает позорным, и с долгами не рассчитается, пока не получит выходного пособия. И ради Германской империи не откажется он от своей привилегии, чтобы юные джентльмены снимали перед ним шляпу. Об уплате по векселю молится он так же истово, как держатель монополии — о голодном годе, хотя потратит любой доход раньше, чем получит.

За обедом сидит он над своей скудной трапезой, как Вителлий на роскошнейшем пиру, и радуется, сравнивая свои расходы на еду с тем, что тратит Лорд-Мэр.

Если у него есть последователи, он считает себя лучшим правителем, чем Цезарь в древности, или турецкий султан в наши дни. Если избирается на должность, то скорее согласен потерять наследство, чем проиграть.

Если он собирается в путь, то дольше возится, отправляясь в поездку за пять миль, чем оснащают корабль для семилетнего плавания. Ничто так не беспокоит его, как необходимость поддерживать разговор с благородной женщиной — тут он наделает больше глупостей, чем клоун, который ест яйцо.

Если у него чистая лента на шляпе и новые туфли — он так же счастлив, как придворный, впервые одевшийся по новой моде.

И наконец, в университете он никого не уважает, а вне университета никто не уважает его.

Обычный университетский школяр (A Mere Scholar)

Обычный школяр — это разумный осел, глупец в черном, который говорит правильными предложениями, а не как требует смысл. Древность своего университета — его символ веры, а превосходство своего колледжа (хотя бы в футбольном матче) — главный догмат. По-латински он говорит лучше, чем на родном языке; нигде в мире он не чужой, кроме своей страны. О себе обычно говорит в превосходном тоне без надобности; правдивы ли его рассказы о себе или лживы — они одинаково смехотворны. Мечта его — сначала получить степень, а потом стать членом колледжа, но даже если он войдет в их товарищество, у него так и не будет товарища. Вопреки логике, он клянется и утверждает, что рогоносец и горожанин — «взаимозаменяемые термины», хотя муж его матери — олдермен. Похоже, его и зачинали в споре, раз вся его жизнь проходит между «pro» и «contra». Язык у него всегда бежит впереди ума, как дворянин, освобождающий путь знатному вельможе, только еще быстрее. Он истинный модник во всем, от головы до ног, чему свидетелем его владение конем и то, как он носит оружие. Обычно он многоречив, говорить ему легче, чем другим терпеливо слушать. Предмет его разговоров — университетские шутки, а любимая новость — поведение прокторов. Фразы, одеяние его ума, сшиты из кусочков ткани, как подушечка: в самом простом виде она из шелка, а подкладка набита из самой грубой ткани. Любую речь он завершает очередным ergo. Каков бы ни был вопрос, его ответ всегда правилен. Для его репутации вредно что-то не знать, и все же он понимает, что не знает ничего. О сельском хозяйстве он судит по «Георгикам» Вергилия, о скотоводстве — по его «Буколикам», о военном деле — по «Энеиде» или «Комментариям» Цезаря. Обо всем он рассуждает по книгам, разбирается во всем и ни в чем не преуспевает. Верит он больше своим ушам, чем разуму, звучание слов принимая за их настоящее значение. Так у него и получается, что Erra Pater — отец всех еретиков, Рудольф Агрикола — известный фермер; он ни перед чем не остановится, доказывая, что логика «Системы» превосходит кекермановскую. Беда его не в том, что он дурак, а в том, что он старается показать это всему миру. Что у других естественно, у него получается искусственным. Бедность для него — счастье, так как заставляет многих верить, что фортуна от него отвернулась. Знания в юном возрасте попали в него не с той стороны, как клистир, а теперь они как товары в мешке уличного торговца: знает, что они есть, но не знает, где именно. Одним словом, он — алфавитный указатель человека, титульный лист ученого, пуританин в морали: все в теории, ничего в практике.

Студент Судебных Иннов (An Inns of Court Man)

от школяра отличается парой шелковых чулок и шляпой на бобровом меху, поэтому и презирает школяра, как тот — школьного учителя. Послушав один раз учебный диспут и посмотрев две пьесы, университет он ни во что не ставит, как второкурсник — грамматическую школу. Об университете он рассуждает так, как будто стал его канцлером, ругает перемены и то, как теперь преподают, говоря: «При мне было лучше», хотя еще полгода назад сам был студентом. Он немного говорит по-латински, хотя и неправильно строит предложения, но зато с уверенностью Цицерона, произносящего речь — пусть и почерпнута вся она в тавернах и ординариях. В моде он настолько же отстаёт от придворного, как школяр — от него самого, и считает хорошим тоном забывать своих знакомых.

Он смеется над каждым, у кого съехала лента на шляпе или плохо завязаны шнурки. Ему стыдно, если его встретят в обществе одетого не по моде. Вся его сущность — снаружи, и молится он прежде всего о том, чтобы доходов хватило на плащ из тафты летом и на бархатный — зимой. Он скорее отдохнет с женой какого-нибудь горожанина, чем пойдет в бордель, ведь так можно сэкономить, да и с точки зрения права урезанная собственность для него лучше, чем единоличное владение. На каждые две кварталы вина, которыми его угощают знакомые, приходится одна, за которую платит он. Меланхоликом он никогда не бывает — разве только если денег на новый костюм не хватит или сержант придет арестовывать его за долги. Тут он сразу хватается за своего Плоудона. А когда он и Литтлтона прочитает, то называет Солона, Ликурга и Юстиниана глупцами и хвастается, что знает право не хуже Лорда-Верховного судьи.

Меланхолик (A Melancholy Man)

— заблудшая овца в стаде. Природа сделала его общительным, создав его человеком, но предрасположенность к сумасшествию все испортила. Он всем недоволен, и все недовольны им. Путанные мысли — вот из чего он состоит, от них он ходит как во сне и находит в этом удовольствие. Его воображение никогда не отдыхает, заставляя его ум все время крутиться, как гиря — часовой механизм. Мысли свои он часто подтягивает, а потом распускает. Пенелопа, наверное, ткала быстрее. Его редко можно застать где-либо, кроме

тенистой роши, в глубине которой течет река. Лицо его всегда пасмурно, на нем никогда не бывает хорошей погоды. Он пытается поддерживать равновесие между тем, какой он внутри, и какой снаружи — и все неудачно. Заговорите с ним — слушает он глазами, уши следуют за разумом, а тот постоянно в беспокойстве. Он думает о деле, но ничего не делает. Весь он созерцание и никакого действия. Мысли свои он строит так, как будто преследует какую-то цель, но они оказываются к ней негодными, как старая древесина. Его дух и солнце — враги: солнце — светлое и горячее, гумор его — темный и холодный. Голову его населяет множество глупых призраков. Они заставляют его дышать не так, как требует природа, поэтому он за один вдох вбирает себя столько воздуха, что и на три бы хватило. Природе он отказывает и в должном сне, излишне воздавая ей бодрствованием. Ничем он долго не доволен, кроме того, что радуется его фантазии. Они — поглощающее его зло, недуг, сседающий его заживо. Наконец, он человек только с виду, в нем не хватает лучшей части: разумной здоровой души, в которой главное отличие человека от животных.

Источник: Овербери Т. Характеры (отрывки) / пер. [В. С. Макарова](#). М. : БД «Современники Шекспира», 2013.